

Двухконтурная экономика: философско-исторические основания, теоретические модели и отличие от системы кредитных денег

Сухомлинов Владимир Владимирович

Независимый исследователь, индивидуальный предприниматель

105203, Россия, Москва, ул. 12-ая Парковая, д. 7, пом. 23

E-mail: 8vladimir8@gmail.com, v@8vladimir8.ru; тел.: +7-916-757-1781

В работе предпринят историко-теоретический анализ концепции двухконтурной экономики, то есть хозяйственной архитектуры, разделяющей производство и денежное обращение на стратегический (плановый, инвестиционный) и адаптивный (рыночный, потребительский) контуры. Генезис идеи прослеживается от аристотелевского различения экономики и хрематистики и схем воспроизводства К. Маркса до формальных моделей Г. А. Фельдмана, О. Ланге, П. Ч. Махаланобиса, Х. Удзавы, Я. Корнаи и Р. Маккиннона. Двенадцать исторических попыток замены товарных денег фидуциарными инструментами (от бумажных денег империи Сун до современных криптовалют) рассматриваются как единый эмпирический ряд, демонстрирующий неустойчивость одноконтурного денежного обращения, лишённого структурных барьеров. В качестве двух наиболее полных реализаций двухконтурного принципа анализируются советская денежно-кредитная система 1930–1950-х гг. и китайская «двухколейная» модель реформ. Показано, что фундаментальное отличие двухконтурной архитектуры от монетарной экономики либерального типа коренится в онтологии денег. Кредитные деньги единого контура суть частные долговые обязательства, эмитируемые под процент и свободно мигрирующие между инвестиционным, спекулятивным и потребительским оборотом. Деньги первого контура, напротив, являются инструментом учёта и планового распределения, институционально лишённым способности превращаться в самовозрастающий капитал.

Ключевые слова: двухконтурная экономика; двухконтурное денежное обращение; кредитные деньги; эндогенные деньги; плановая экономика; рыночный социализм; сталинская экономическая модель; китайская модель; командные высоты; хрематистика.

JEL Classification: B14, B24, E42, E51, P21, P51.

1. Введение

Спор о соотношении плана и рынка традиционно ведётся так, будто речь идёт об одномерной шкале, на одном полюсе которой находится тотальное планирование, а на другом чистый рынок. Двухконтурная модель экономики предполагает иную постановку вопроса. Вместо измерения доли государства в экономике обсуждается, какие сектора хозяйства по своей природе требуют планового управления, какие тяготеют к рыночной координации и каким должен быть институциональный барьер между ними. Ядром такой архитектуры является разделение не только собственности и управления, но и самого денежного обращения на два контура. Безналичный инвестиционный контур обслуживает воспроизводство средств производства, наличный потребительский контур обслуживает конечный спрос.

Актуальность темы определяется тремя обстоятельствами. Во-первых, кризисы 2008 и 2020 гг. и последовавшая за ними эмиссионная политика ведущих центральных банков возобновили дискуссию о пределах устойчивости кредитно-денежной модели. Во-вторых, возвращение промышленной политики и фрагментация мировых финансов заставляют вновь обсуждать архитектуры, в которых стратегические отрасли выведены из-под краткосрочной рыночной логики. В-третьих, опыт Китая, единственной крупной экономики, прошедшей переход от плана к рынку без трансформационного спада, показывает практическую работоспособность контурного принципа. Настоящая статья носит философско-историко-теоретический характер и дополняет вычислительное исследование автора, где устойчивость двухконтурной архитектуры проверялась имитационным моделированием [Сухомлинов, 2026].

Работа последовательно отвечает на три вопроса. Сначала показывается, почему единый денежный контур исторически неустойчив (раздел 3). Затем рассматриваются теоретические модели, обосновывающие разделение хозяйства и денежного обращения на контуры (раздел 4), и реализация этого принципа в СССР и Китае (разделы 5–6). Наконец, выясняется, в чём состоит категориальное отличие двухконтурной системы от монетарной экономики кредитных денег, господствующей в либеральных экономиках (раздел 7).

2. Философские основания двухконтурности

Исходное различие принадлежит Аристотелю. В первой книге «Политики» он противопоставляет экономику (ойкономику), искусство ведения хозяйства ради удовлетворения потребностей, и хрематистику, накопление богатства ради самого богатства. Первая ограничена мерой потребности и потому естественна.

Вторая безгранична по своей внутренней логике, а её предельной формой Аристотель называл ростовщичество, при котором «деньги рожают деньги» [Аристотель, 1983]. В этом различии уже содержится ядро двухконтурной идеи. Обращение благ ради потребления и обращение денег ради накопления суть разные виды деятельности, требующие разных институтов, и смешение их в одном механизме подчиняет первое второму.

Второе основание состоит в различии природы самих благ. Капитальные блага (инфраструктура, энергетика, тяжёлая индустрия) характеризуются неделимостью, возрастающей отдачей от масштаба, горизонтом окупаемости в десятилетия и чертами естественной монополии. Координация здесь требует долгосрочного расчёта, который рынок с его короткой ставкой дисконтирования систематически недооценивает. Потребительские блага, напротив, подчинены закону предельной полезности, изменчивой моде и рассеянному знанию о локальных потребностях, которое, по известному аргументу Ф. Хайека, не может быть централизовано [Найек, 1945]. Симметричный вывод обычно не проговаривается. Если аргумент рассеянного знания запрещает план в потребительском секторе, то аргумент неделимости и горизонта запрещает рынок в секторе капитальном. Управление обоими секторами по одним лекалам гарантированно разрушает один из них.

Третье основание образует двойственная онтология денег. Металлизм (К. Менгер) выводит деньги из товарного обмена и видит в них товар, стихийно ставший всеобщим эквивалентом. Хартализм (Г. Кнапп) видит в деньгах «создание правопорядка», учётный знак, сила которого поддерживается государством [Кнапп, 1924]. Кредитная теория (А. Иннес, Дж. Ингэм, Д. Гребер) описывает деньги как передаваемое долговое обязательство [Ingham, 2004; Graeber, 2011]. Двухконтурная система снимает этот вековой спор конструктивно, поскольку разные контуры реализуют разные онтологии. В первом контуре деньги выступают чистой единицей учёта и планового распределения, «технической» записью, не способной к автономному накоплению. Во втором они остаются привычным средством обращения, ограниченным товарной массой. Деньги суть пучок конфликтующих функций (мера стоимости, средство обращения, средство накопления), и совмещение их в одном носителе представляет собой институциональный выбор, за который экономика платит кризисами.

3. Уроки денежной истории

Денежная история последнего тысячелетия может быть прочитана как серия попыток заменить товарные деньги знаками доверия, и почти каждая из них завершалась разрушением потребительского денежного оборота. Бумажные цзяоцзы, возникшие в сунском Китае около 1000 г. как складские расписки и огосударствленные в 1023 г., погибли от военной эмиссии, когда печатный станок финансировал войны с чжурчжэнями и монголами [Von Glahn, 1996]. Система Джона Ло (1716–1720), выпускавшая банкноты под акции Миссисипской компании, рухнула вместе со спекулятивным пузырьком [Murphy, 1997]. Континентальные доллары Американской революции (1775) потеряли около 99% стоимости за пять лет [Calomiris, 1988]. Французские ассигнаты (1789), обеспеченные конфискованными землями, были уничтожены эмиссией к 1796 г. [White, 1995]. Гринбеки Гражданской войны в США (1861) породили инфляцию и завершились возвратом к золоту [Mitchell, 1903], а демонетизация серебра в 1870-х обрушила биметаллизм [Friedman, 1990]. В XX в. ряд продолжили крах послевоенного золотодевизного фунта и банковские кризисы начала 1930-х [Eichengreen, 1992], гиперинфляция германской марки 1923 г., остановленная лишь суррогатной «земельной» рентной маркой [Sargent, 1982], отклонение банкнот Дж. М. Кейнса в Бреттон-Вудсе [Keynes, 1943], превращение СДР (1969) в расчётную формулу вместо мировых денег и отвязка доллара от золота в 1971 г., открывшая эпоху чистого фиата с хронической инфляцией и возобновившейся скупкой золота центральными банками [Eichengreen, 2011]. Криптовалюты замыкают ряд как попытка заменить институциональное доверие алгоритмом ценой зависимости от программного кода, энергосетей и спекулятивной волатильности [Nakamoto, 2008].

Из этого ряда обычно извлекают металлистскую мораль о том, что деньги без товарного якоря обречены. Структурный анализ приводит к иному выводу. Общим механизмом всех перечисленных крахов было отсутствие барьера, при котором эмиссия, предназначенная для чрезвычайных государственных нужд или спекулятивного кредита, свободно изливалась на потребительский рынок и уничтожала его. Золотой якорь служил лишь внешним, физическим ограничителем этого перетока, притом дорогим, процикличным и регулярно отбрасываемым именно в момент войны, когда он более всего нужен. Отсюда вытекает центральный тезис статьи. Якорем денежной системы может служить сама её структура, а именно институциональный барьер между контурами обращения. Исторические реализации такого барьера и посвящённые ему теории рассматриваются ниже.

4. Теоретические модели двухконтурной экономики

Отправной точкой служат схемы воспроизводства К. Маркса, разделившего общественное производство на подразделение I (средства производства) и подразделение II (предметы потребления). Условие сбалансированности простого воспроизводства, а именно равенство спроса второго подразделения

на средства производства сумме потребительского спроса работников и собственников первого, показывает, что пропорция между контурами не устанавливается автоматически и её нарушение оборачивается кризисом либо дефицитом [Маркс, 1961]. Г. А. Фельдман (1928) перевёл эти схемы на язык дифференциальных уравнений роста и показал, что долгосрочный максимум потребления требует опережающих вложений в сектор средств производства [Фельдман, 1928]. Та же логика, адаптированная к смешанной экономике, легла в основу модели П. Ч. Махаланобиса для индийского планирования (1953), где капитальный сектор планируется государством, а потребительский остаётся частным [Mahalanobis, 1953].

Линия рыночного социализма О. Ланге и А. Лернера (1930-е гг.) дала первую формализацию гибридной координации. Общественная собственность на крупный капитал совмещается со свободным ценообразованием на потребительских рынках, а плановый орган имитирует конкурентное равновесие правилом равенства цены предельным издержкам [Lange, 1936]. Д. Элсон позднее радикализировала подход, предложив «социализацию рынка» вместо его отмены [Elson, 1988]. В неоклассической традиции двухсекторную структуру формализовали У. А. Льюис (переток труда между традиционным и современным секторами) и Х. Удзава, доказавший условия сбалансированного роста экономики с двумя производственными функциями [Lewis, 1954; Uzawa, 1961]. Инструментальную базу планового контура составили межотраслевой баланс В. В. Леонтьева и линейное программирование Л. В. Канторовича. Двойственные оценки оптимального плана выступают «теневыми ценами», позволяющими первому контуру рассчитывать пропорции без ссудного процента, тогда как во втором контуре те же пропорции достигаются стихийно рыночным ценообразованием [Канторович, 1959; Ведута, Джакубова, 2016].

Два автора замыкают теорию на институты. Я. Корнай показал, что судьбу сектора решает жёсткость бюджетного ограничения. Мягкие ограничения (субсидии, безвозвратные кредиты) допустимы и даже необходимы в стратегическом контуре с его длинными проектами, но в потребительском контуре они порождают экономику дефицита. Поэтому граница контуров есть прежде всего граница режимов бюджетной дисциплины [Kornai, 1992]. Р. Маккиннон, анализируя советскую систему, формализовал раздельное денежное обращение. Для каждого контура выполняется собственное уравнение обмена, а условием стабильности является строгая изоляция, поскольку переток безналичной инвестиционной эмиссии в наличный оборот означает инфляционное разрушение потребительского рынка [McKinnon, 1991]. В отечественной литературе институциональный барьер между инвестиционными и потребительскими деньгами обосновывается в работах В. Е. Чабанова [Чабанов, 2020]. Таким образом, теория задаёт воспроизводственное (Маркс, Фельдман), координационное (Ланге, Корнай) и денежное (Маккиннон) измерения двухконтурности, и полную архитектуру даёт лишь одновременная реализация всех трёх.

5. Советская денежная система 1930–1950-х годов

Первым приближением к двухконтурности стал НЭП (1921–1928), когда государство удерживало «командные высоты» (крупную промышленность, транспорт, банки, внешнюю торговлю), допустив частный капитал в торговлю, услуги и мелкое производство, что позволило быстро насытить потребительский рынок [Голанд, 2022; Нуреев, Гретченко, 2008]. Однако денежное обращение оставалось единым, и противоречие между эмиссионным финансированием индустриализации и устойчивостью червонца разрешилось сломом самого НЭПа.

Законченную форму контурный принцип получил в ходе кредитной реформы 1930–1932 гг. Коммерческий кредит между предприятиями был запрещён, все расчёты централизованы в Госбанке, и денежная система распалась на два несмешивающихся оборота. Безналичный рубль обслуживал межзаводские расчёты и капиталовложения по плану. Полноценными деньгами он не являлся, поскольку им нельзя было выплатить зарплату, купить товары вне фондов или обратиться к наличности. Это была единица планового учёта, «расписка» о движении ресурсов внутри первого контура. Наличный рубль обслуживал зарплату и розничный товарооборот. Его эмиссия регулировалась кассовым планом Госбанка и балансом денежных доходов и расходов населения, то есть привязывалась к товарной массе второго контура. Односторонним нормированным шлюзом между контурами служил фонд заработной платы. Рыночный сегмент при этом не исчез. Промысловые артели, колхозный рынок и приусадебные хозяйства образовывали адаптивный уклад, работавший на потребительский спрос [Ханин, 2023].

Эта архитектура профинансировала индустриализацию практически без внешних займов и выдержала войну. Наличная эмиссия 1941–1945 гг. выросла в разы, но не на порядки [Harrison, 1996]. Конфискационная реформа 1947 г. сняла накопленный денежный навес [Чуднов, 2018], после чего система перешла к регулярным снижениям государственных розничных цен [Малафеев, 1964]. Демонтаж шёл поэтапно. Реформа 1965 г. сделала прибыль ключевым показателем госпредприятий, ослабив различие природы контуров. Законы о государственном предприятии (1987) и о кооперации (1988) вместе с центрами НТТМ легализовали обналичивание безналичных средств. Барьер был прорван, и инвестиционная денежная масса хлынула на потребительский рынок, породив дефицит, инфляционный навес и коллапс 1991 г. Можно

предположить, что причиной гибели системы стала целенаправленная отмена контурного принципа, работоспособность которого до того сомнений не вызывала. Этот исторический эксперимент, при всей его трагичности, подтвердил теорему Маккиннона от противного.

6. Китайская двухколейная модель

Китайские реформы после 1978 г. реализовали контурный принцип в эволюционной форме «двухколейной системы» (шуангуйчжи), при которой для одного и того же ресурса параллельно действовали плановая и рыночная цены. Плановая колея фиксировала базовые пропорции, а весь прирост выпуска уходил на рыночную колею. Семейный подряд в деревне и поселково-волостные предприятия сыграли роль массового адаптивного уклада, тогда как «командные высоты» (энергетика, транспорт, металлургия, связь, финансы) остались в государственном контуре. Принцип 1990-х «держат крупное, отпускают мелкое» провёл границу контуров по капиталоемкости [Naughton, 2007; Островский, 2015; Инь, 2019].

Денежная сторона китайской модели воспроизводит логику раздельного обращения в смягчённой форме. Кредит государственных банков, направляемый в стратегические отрасли административными инструментами, функционально эквивалентен безналичному инвестиционному контуру. Ключевым из этих инструментов служит «оконное руководство» (кит. 窗口指导, пиньинь chuāngkǒu zhǐdǎo), то есть практика, при которой центральный банк доводит до банков формально необязательные, но фактически неукоснительно исполняемые ориентиры по объёму и отраслевой структуре кредитования. Метод сложился в Банке Японии периода высоких темпов роста, где квартальные кредитные квоты, доведшиеся «у окошка» регулятора, направляли ресурсы в приоритетные отрасли [Werner, 2002]. Народный банк Китая перенял эту практику и сочетает её с целевыми квотами, расширяя кредит инфраструктуре и промышленности и сдерживая спекулятивные сегменты [Fukumoto et al., 2010]. Сила подобных «рекомендаций» держится на зависимости банков от регулятора в рефинансировании, лицензиях и надзоре. В результате эмиссия следует плановым приоритетам, рыночная ставка играет второстепенную роль, и распределение капитала подчиняется государственной стратегии при внешнем сохранении обычной банковской системы. Неконвертируемость капитального счёта и валютный контроль образуют внешний барьер, изолирующий внутренний инвестиционный оборот от глобального спекулятивного капитала. Наконец, цифровой юань доводит контурный принцип до технологического предела. Программируемые деньги допускают встроенные ограничения на сферу обращения, сроки действия и круг контрагентов, то есть барьер между контурами может быть встроен в саму архитектуру денежной единицы без постоянного административного надзора.

Китай остаётся единственной крупной экономикой, совершившей переход от плана к рынку без трансформационного спада, и его траекторию отличает от постсоветской именно последовательность фаз. Рыночный уклад сначала выращивался в потребительском секторе (сельское хозяйство, лёгкая промышленность, торговля, услуги), где ошибки дешёвы, а обратная связь от спроса приходит быстро. Стратегический контур (инфраструктура, тяжёлая индустрия, банковская система) всё это время оставался под государственным контролем и приватизации не подлежал. Демонтаж плановой колеи начинался лишь после того, как рыночная колея доказывала способность снабжать население и создавать рабочие места. Благодаря такому порядку реформы ни в один момент не оставляли экономику без работающего механизма координации.

7. Отличие от монетарной экономики кредитных денег

Господствующая в либеральных экономиках денежная система устроена принципиально иначе, чем предполагает и учебная метафора «банк отдаёт в кредит собранные вклады», и количественная теория экзогенных денег. Как признал Банк Англии, подавляющая часть денежной массы создаётся коммерческими банками в момент выдачи кредита, так что деньги суть записываемый банком долг, эндогенно порождаемый спросом на кредит [McLeay, Radia, Thomas, 2014]. Отсюда следуют четыре системных свойства. Во-первых, каждая денежная единица рождается вместе с процентным обязательством, что встраивает в экономику императив непрерывного номинального роста. Во-вторых, контур един. Кредитная эмиссия свободно мигрирует между производственными инвестициями, спекуляцией активами и потреблением, причём направление миграции определяется сравнительной доходностью, потому смягчение денежной политики раздувает цены активов раньше и сильнее, чем финансирует промышленность. В-третьих, как показал Х. Мински, такая система эндогенно нестабильна, поскольку устойчивость сама порождает спекулятивные и понци-структуры финансирования, завершающиеся кредитным сжатием [Minsky, 1986]. В-четвёртых, аллокацию капитала осуществляет ссудный процент и залоговая стоимость, систематически отсекающие длинные малорентабельные проекты (инфраструктуру, фундаментальную науку) независимо от их воспроизводственной значимости.

Двухконтурная система противостоит этой модели онтологически, поскольку различие лежит глубже вопроса о степени государственного вмешательства. Деньги первого контура представляют собой плановый

ресурс без долговой природы. Эмиссия «погашается» вводом мощностей и выпуском продукции вместо процентного платежа, ссудный процент отсутствует или носит технический характер, а его аллокативную функцию выполняют межотраслевой баланс и оптимизационные оценки. Деньги второго контура лишены функции накопления капитала и ограничены товарной массой, что при жёстких бюджетных ограничениях частного сектора обеспечивает рыночное равновесие без кредитных циклов. В аристотелевских терминах двухконтурная архитектура институционально запрещает хрематистику в стратегическом контуре и ограничивает её потребительским, тогда как кредитно-денежная система делает хрематистику, «рождение денег от денег», базовым механизмом всей экономики. Сводное сопоставление дано в табл. 1.

Таблица 1. Сопоставление кредитно-денежной и двухконтурной систем

Критерий	Кредитно-денежная система	Двухконтурная система
Природа денег	Передаваемое долговое обязательство банка	Контур I — единица планового учёта; контур II — средство обращения без функции накопления капитала
Механизм эмиссии	Кредит коммерческих банков под процент и залог	Целевая эмиссия под план (контур I), наличная эмиссия под фонд зарплаты и товарную массу (контур II)
Аллокация капитала	Ссудный процент, залоговая стоимость, ожидания финансовых рынков	Межотраслевой баланс и оптимизационные оценки плана
Связь оборотов	Единый контур, в котором инвестиционные, спекулятивные и потребительские деньги смешаны	Институциональный барьер, односторонний шлюз через зарплаты и закупки
Типовой сбой	Кредитные циклы, инфляция активов, финансиализация	Дефицит при мягких ограничениях контура II, коррупция на границе контуров

Необходимо назвать и уязвимости двухконтурной архитектуры. Её главный риск имеет институциональную природу. Граница контуров есть место концентрированной ренты, и её удержание требует меритократического аппарата и жёсткого пресечения «обналичивания». Как показывает и советский финал, и вычислительный анализ [Сухомлинов, 2026], вероятность распада системы определяется прежде всего качеством кадрового отбора и независимостью от внешнего давления, тогда как параметры самих контуров вторичны. Кроме того, первый контур, освобождённый от банкротства, нуждается во внешних измерителях эффективности, иначе мягкие ограничения вырождаются в расточительность. Китайская практика предлагает несколько решений этой проблемы. Партийная кадровая вертикаль превращает относительные экономические результаты регионов и госкорпораций в основание для продвижения руководителей, создавая турнирную конкуренцию внутри госсектора [Li, Zhou, 2005]. Надзорная комиссия SASAC заключает с госкомпаниями многолетние контракты результативности с оценкой по экономической добавленной стоимости, а частичный листинг их дочерних структур на бирже даёт внешнюю рыночную оценку активов [Naughton, 2007]. Кроме того, жёсткость ограничений достижима и в госсекторе, если снять с предприятий политические обременения, делающие их убытки неотличимыми от неэффективности [Lin, Tan, 1999].

8. Заключение

Проведённый анализ позволяет сформулировать три вывода. Во-первых, тысячелетняя история попыток заменить товарные деньги свидетельствует прежде всего о неустойчивости одноконтурного обращения. Гибридные и фиатные деньги рушились там, где чрезвычайная или спекулятивная эмиссия имела свободный выход на потребительский рынок. Во-вторых, теоретическая традиция от Маркса и Фельдмана до Корнаи и Маккиннона сходится в том, что капитальный и потребительский сектора различны по горизонту, отдаче от масштаба и типу знания и потому требуют разных механизмов координации и разных денег. Двухконтурная архитектура есть институциональное признание этой разнородности. В-третьих, отличие двухконтурной системы от кредитно-денежной модели либеральных экономик является онтологическим. Она заменяет деньги-долг, эмитируемые под процент в едином обороте, парой функционально специализированных денежных инструментов, разделённых структурным барьером. Советский опыт демонстрирует работоспособность и цену разрушения этой конструкции, китайский опыт показывает её эволюционную жизнеспособность и технологическое будущее в форме программируемых денег.

Литература

Аристотель. Политика // Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983.
Ведута Е.Н., Джакубова Т.Н. Экономическая наука и экономико-математическое моделирование // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. № 57.

- Голанд Ю.М. Подсказки из опыта НЭПа для решения современных экономических проблем // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3.
- Инь Х. Развитие социалистической рыночной экономики: практика китайской экономической трансформации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9, № 3.
- Канторович Л.В. Экономический расчёт наилучшего использования ресурсов. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
- Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917–1963 гг.). М.: Мысль, 1964. 439 с.
- Маркс К. Капитал. Т. II // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24. М.: Политиздат, 1961.
- Нуреев Р.М., Гретченко А.И. Реформы и застой в советской экономике // Историко-экономические исследования. 2008. Т. 9, № 2.
- Островский А.В. Модернизация китайской модели перехода от плановой экономики к экономике рыночной // Философские науки. 2015. № 1.
- Сухомлинов В.В. Имитационная модель устойчивости многоукладной экономики. Zenodo, 2026. DOI: 10.5281/zenodo.21382694.
- Фельдман Г.А. К теории темпов народного дохода // Плановое хозяйство. 1928. № 11–12.
- Ханин Г.И. Экономика СССР в годы первой пятилетки. Новосибирск: СибАГС, 2023.
- Чабанов В.Е. Экономика коммунизма. СПб., 2020.
- Чуднов И.А. Денежная реформа 1947 года. М.: РОССПЭН, 2018. 303 с.
- Calomiris C.W. Institutional Failure, Monetary Scarcity, and the Depreciation of the Continental // Journal of Economic History. 1988. Vol. 48, no. 1. P. 47–68.
- Eichengreen B. Golden Fetters: The Gold Standard and the Great Depression, 1919–1939. New York: Oxford University Press, 1992. 448 p.
- Eichengreen B. Exorbitant Privilege: The Rise and Fall of the Dollar and the Future of the International Monetary System. Oxford: Oxford University Press, 2011. 215 p.
- Elson D. Market Socialism or Socialization of the Market? // New Left Review. 1988. No. 1/172. P. 3–44.
- Friedman M. The Crime of 1873 // Journal of Political Economy. 1990. Vol. 98, no. 6. P. 1159–1194.
- Fukumoto T., Higashi M., Inamura Y., Kimura T. Effectiveness of Window Guidance and Financial Environment // Bank of Japan Review. 2010. No. 2010-E-4. P. 1–12.
- Graeber D. Debt: The First 5000 Years. New York: Melville House, 2011. 534 p.
- Harrison M. Accounting for War: Soviet Production, Employment, and the Defence Burden, 1940–1945. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 338 p.
- Hayek F.A. The Use of Knowledge in Society // American Economic Review. 1945. Vol. 35, no. 4. P. 519–530.
- Ingham G. The Nature of Money. Cambridge: Polity Press, 2004. 254 p.
- Keynes J.M. Proposals for an International Clearing Union. London: HMSO, 1943.
- Knapp G.F. The State Theory of Money. London: Macmillan, 1924. 306 p.
- Kornai J. The Socialist System: The Political Economy of Communism. Oxford: Clarendon Press, 1992. 672 p.
- Lange O. On the Economic Theory of Socialism // Review of Economic Studies. 1936. Vol. 4, no. 1. P. 53–71.
- Lewis W.A. Economic Development with Unlimited Supplies of Labour // The Manchester School. 1954. Vol. 22, no. 2. P. 139–191.
- Li H., Zhou L.-A. Political Turnover and Economic Performance: The Incentive Role of Personnel Control in China // Journal of Public Economics. 2005. Vol. 89. P. 1743–1762.
- Lin J.Y., Tan G. Policy Burdens, Accountability, and the Soft Budget Constraint // American Economic Review. 1999. Vol. 89, no. 2. P. 426–431.
- Mahalanobis P.C. Some Observations on the Process of Growth of National Income // Sankhyā. 1953. Vol. 12, no. 4. P. 307–312.
- McKinnon R.I. Financial Control in the Transition from Classical Socialism to a Market Economy // Journal of Economic Perspectives. 1991. Vol. 5, no. 4. P. 107–122.
- McLeay M., Radia A., Thomas R. Money Creation in the Modern Economy // Bank of England Quarterly Bulletin. 2014. Q1. P. 14–27.
- Minsky H.P. Stabilizing an Unstable Economy. New Haven: Yale University Press, 1986. 353 p.
- Mitchell W.C. A History of the Greenbacks. Chicago: University of Chicago Press, 1903. 577 p.
- Murphy A.E. John Law: Economic Theorist and Policy-Maker. Oxford: Clarendon Press, 1997. 391 p.
- Nakamoto S. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System. 2008. URL: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf>.
- Naughton B. The Chinese Economy: Transitions and Growth. Cambridge, MA: MIT Press, 2007. 528 p.
- Sargent T.J. The Ends of Four Big Inflations // Hall R.E. (ed.) Inflation: Causes and Effects. Chicago: University of Chicago Press, 1982. P. 41–97.
- Uzawa H. On a Two-Sector Model of Economic Growth // Review of Economic Studies. 1961. Vol. 29, no. 1. P. 40–47.
- Von Glahn R. Fountain of Fortune: Money and Monetary Policy in China, 1000–1700. Berkeley: University of California Press, 1996. 338 p.
- Werner R.A. Monetary Policy Implementation in Japan: What They Say versus What They Do // Asian Economic Journal. 2002. Vol. 16, no. 2. P. 111–151.
- White E.N. The French Revolution and the Politics of Government Finance, 1770–1815 // Journal of Economic History. 1995. Vol. 55, no. 2. P. 227–255.

The Dual-Circuit Economy: Philosophical and Historical Foundations, Theoretical Models, and the Contrast with Credit Money Systems

Vladimir V. Sukhomlinov

Independent researcher, individual entrepreneur
105203, Russia, Moscow, 12th Parkovaya St., 7, room 23
E-mail: 8vladimir8@gmail.com, v@8vladimir8.ru

The paper offers a historical and theoretical analysis of the dual-circuit economy, an economic architecture that separates production and monetary circulation into a strategic (planned, investment) circuit and an adaptive (market, consumer) circuit. The genealogy of the idea is traced from Aristotle's distinction between *oikonomia* and *chrematistics* and Marx's reproduction schemes to the formal models of Feldman, Lange, Mahalanobis, Uzawa, Kornai and McKinnon. Twelve historical attempts to replace commodity money with fiduciary instruments, from Song China's paper money to modern cryptocurrencies, are read as a single empirical series demonstrating the instability of single-circuit monetary circulation lacking structural barriers. The Soviet monetary system of the 1930s–1950s and China's dual-track reform model are analysed as the fullest implementations of the principle. It is shown that the fundamental difference between the dual-circuit architecture and the credit-money economy of the liberal type is rooted in the ontology of money. Single-circuit credit money is private interest-bearing debt migrating freely between investment, speculation and consumption, whereas the money of the first circuit is an accounting and planning instrument institutionally incapable of becoming self-expanding capital.

Key words: dual-circuit economy; dual monetary circulation; credit money; endogenous money; planned economy; market socialism; Stalin-era economic model; Chinese model; commanding heights; *chrematistics*.

JEL Classification: B14, B24, E42, E51, P21, P51.